

УДК 37.016: 821.161.1

Маркова Е. М.*(г. Москва)*КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ ВТОРИЧНЫХ НОМИНАЦИЙ ПРИ
ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСЛАВЯНСКОМУ

Аннотация. В статье на материале русского и чешского языков рассматриваются культурноконнотативные различия названий животных в их вторичных значениях. Метафорическое переосмысление зоонимов отмечено, как правило, этнокультурной спецификой и может быть репрезентировано в учебниках по русскому языку для иностранцев в виде картинок, наглядно иллюстрирующих эту специфику. В статье демонстрируются примеры подобной образной репрезентации вторичных наименований зоонимов в двух славянских языках.

Ключевые слова: вторичные номинации, зоонимы, этнокультурное сознание, культурные коннотации, русский язык как инославянский, чешский язык.

E. Markova*(Moscow)*THE CULTURAL CONNOTATIONS OF SECONDARY NOMINATIONS
IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN SLAVIC

Abstract. In the given article on the material of the Russian and Czech languages the cultural connotative differences of the names of animals in their secondary meanings are studied. The metaphoric nominations of zoonymes are usually marked with some ethnic cultural specificity and may be represented in pictures in textbooks of Russian for foreign students, vividly illustrating this specificity. The author demonstrates the examples of the given metaphoric representations of secondary zoonymic nominations in two Slavic languages.

Key words: secondary nominations, zoonymes, ethnic cultural consciousness, cultural connotations, the Russian language as a foreign Slavic, the Czech language.

В механизмах номинации ведущая роль принадлежит сравнению. В основе вторичной номинации также лежит скрытое сравнение предмета или явления, уже имеющего вербализованную форму, с новым, номинируемым, и сближение их по каким-то признакам. Познавая окружающий мир, себя в этом мире, человек издавна проводил ассоциации с миром животных и растений, его окружавших. Перенос по модели «животное» → «человек» является универсальным и широко распро-

страненным. Вместе с тем подобный универсализм не противоречит этнолингвистическому своеобразие, т. к. реализация единых моделей нередко осуществляется с помощью различных образов, связанных с особенностями той или иной культуры.

Этнокультурное сознание – результат отражения и восприятия образа мира в соответствии с особой сеткой ценностно-смысловых координат той или иной национальной культуры [1, с. 112]. Этнокультурной значимостью отмечены, прежде всего, языковые метафоры, идиомы, паремии – образы, на которых построены эти языковые структуры, т. к. именно языковые образы демонстрируют наиболее важные для данной этнокультуры объекты – предметы, факты, события. В каждом национальном языке часто оказываются различными «прототипические признаки» – свойства, которыми характеризуются предметы соответствующего класса, или набор таких признаков и их иерархия, т. е. «одни и те же объекты воспринимаются и кодируются этноязыковыми сознаниями в соответствии с выработанными в данном этнокультурном сообществе представлениями о данном предмете» [1, с. 113].

Даже при сравнении близкородственных языков, какими являются сопоставляемые нами русский и чешский языки, при формально-семантическом тождестве большинства названий животных нередко обнаруживаются различия в ассоциациях, связывающих признаки животных с соответствующими качествами человека. При сходстве номинаций большинства животных в славянских языках они нередко различаются культурным компонентом, вербализуемым в фактах вторичной номинации. В основе вторичной номинации, как и первичной, лежит скрытое сравнение предмета или явления, уже имеющего вербализованную форму, с новым, номинируемым, и сближение их по каким-то признакам, иными словами, метафоризация, когнитивно-номинативная суть которой состоит в обнаружении общих моментов в сравниваемых предметах. При этом вторичную номинацию характеризует ярко выраженный оценочный характер. В процессе самостоятельного развития славянских языков в сфере агентивной лексики появилось много вторичных новообразований, отмеченных национальной спецификой.

Следствием этого является асимметрия в реализации культурных кодов, например зоонимического, даже в близкородственных языках. Подобные факты дивергенции демонстрируют своеобразие видения окружающего мира разными народами, их различную концептуализацию окружающей действительности, особенности ассоциативных

связей и представлений. К примеру, свойственное русскоговорящим употребление зоонима *корова* по отношению к полной, неуклюжей женщине нетипично для его чешского коррелята *kráva*, чехи такую женщину скорее назовут *husa* «гусыня», *kachna* «утка», *krůta* «индюшка». О глупой женщине чехи также скажут: *kača* «гусыня». Для русского языка характерно переносное употребление слова *заяц* в значении «безбилетный пассажир» (введенное, как известно, А.П. Чеховым) в силу его проворства, ловкости и одновременно боязни быть пойманным, а в чешском языке *zajíc* экспрессивно может обозначать неопытного молодого человека, девушку. Если у носителей русского языка слова *вол*, *лошадь* ассоциируются с трудолюбивым, много работающим человеком, то у чехов словом *vůl* образно называют глупого, тупого человека, как и зоонимами *moula*, (сближаемым с *mul* «мул»), *mezek* «лошак, осел». Собака (чеш. *pes*) вызывает в представлении носителей чешского языка не только ассоциации, близкие русскому мировосприятию, но и может характеризовать человека безоглядного, крутого нрава. Тощий, худой человек у чехов образно называется *vychrtlík* – от *chrt* «борзая собака» (у русских в данном случае возникают ассоциации с плоскими и длинными предлогами: *доска*, *жердь*, *велосипед*) [3; 5].

Подобные культурноконнотативные различия имеют не только типологическую и лингвокультурную значимость, они должны быть представлены в учебниках по русскому языку для иностранцев как яркое, образное свидетельство специфики мировидения разных народов. На сегодняшний день основной компетенцией, формируемой при изучении русского как иностранного (РКИ), является межкультурная компетенция. В этом плане вторичные номинации, почти всегда отмеченные этнокультурной спецификой, обладают большим потенциалом. Представленные в образных сравнениях в виде картинок в учебниках по РКИ, они могут стать хорошей иллюстрацией этнокультурных различий и способствовать тем самым формированию межкультурной компетенции. Образная презентация культурноконнотативных особенностей лексем имеет большое психологическое и лингводидактическое значение, ибо человек мыслит образами, а факты, образно репрезентированные в сравнении с фактами родного языка, запоминаются лучше и усваиваются прочнее. Проиллюстрируем это на примере сопоставления вторичных наименований зоонимов в двух славянских языках: русском и чешском.

В чешском языковом сознании нелюдимый человек сравнивается с пауком, что закреплено в выражении *divný pavouk* «чудак, бирюк» (букв.

«странный паук»), в русском в этом случае употребляется название *бирюк* (как результат тоже метафорического переноса: «волк» → «одинокий человек») (рис. 1). Подобно русскому слову *голубка*, которое может употребляться в качестве агентива, чеш. *berunka* «божья коровка», *beruška* «светлячок» служит ласковым, нежным обращением к женщине [3; 5] (см. рис.1).

Ассоциации, обеспечивающие перенос наименования, строятся не только на сближении каких-либо признаков животных и человека, они могут иметь и звуковой характер. Так, в чешском языке возникло выражение *tát opici* «быть в запое», в данном случае чеш. *opice* «обезьяна» оказалось созвучным глаголу *opit se* «напиться», что нашло подкрепление еще и в образной мотивировке: пьяный человек напоминает своим видом обезьяну [5].

Признаки некоторых животных послужили основой создания сравнительных фразеологизмов, характеризующих человека. Компаративные обороты вербализуют факт сравнения как необходимого условия вторичной номинации, выступают в качестве некоего промежуточного

звена однословных наименований. Так, *курица* (чеш. *slepice*) одинаково ассоциируется в обоих языках с глупостью, а также с неприглядностью, что послужило основой устойчивых сравнений рус. *иметь куриные мозги*, соответствующего чешскому выражению *mít slepičí mozek*, и рус. *как мокрая курица*, эквивалентного чеш. *jako zmoklá slípka / slepice* [2; 3; 6].

Наряду с этим, являясь средством выражения универсального «зоонимического» кода, фраземы с компонентом-зоонимом нередко несут культурологическую информацию, объективируют особенности восприятия мира природы тем или иным этносом, транслируют культуру народа. При этом во фраземах находят отражение как общеславянские стереотипы восприятия животных и отношения к ним, так и этноспецифические сближения тех или иных качеств человека и животного. Ведь именно фразеологизмы «ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т. п. и ... в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [4, с. 233].

Например, при денотативном сходстве зоонима *коза* (чеш. *koza*) он характеризуется различной этнокультурной маркированностью в русском и чешском языках, что находит отражение во фразеологии обоих языков. В русской лингвокультуре этот образ в основном характеризует бойкую, вертлявую, и в то же время ловкую девушку, женщину (*как коза / козочка; прыгать, скакать как коза*), человека, принужденно и неохотно идущего куда-либо (*как коза на веревочке*), тупой, непонимающий взгляд (*смотреть как в афишу коза*), безжалостное телесное наказание (*драть как сидорову козу*), ненужность кому-либо чего-либо (*нужен как козе баян*). *Козел* (и его «женский» вариант *коза*) используется в русской культуре и в функции оскорбления. Для чешского лингвистического сознания образ козы ассоциируется прежде всего с неуклюжестью (*jde / chodí jako koza na ledě* «идет / ходит как коза на льду», ср. в рус. *как корова на льду*), глупостью, бестолковостью (*mluví jako koza před smrtí* «говорит как коза перед смертью»; *je (s kým) řeč jako s kozou na ledě* «с ним говорить, как с козой на льду»; *rozumět jako koza petrželi* «понимает, как коза в петрушке», ср. в рус. *как свинья в апельсинах*), сластолюбием (*je mlsný/-á jako koza* «он / она сластена как коза»), несуразностью (*sluší ti jako koze / svini čepes* «это ему идет как козе / свинье шапка», ср. с рус. *как корове седло*), старостью (*stará koza*) [2; 3; 4; 6] (рис. 2).

Конь / лошадь в обоих лингвокультурах связаны с тяжелой работой, ср. рус. *работать как лошадь*, чеш. *dřít jako kůň*. Однако национально

Рис. 2. Культурноконнотативные различия лексемы коза во вторичной номинации в русском и чешском языках

В русской культуре

1. бойкость, вертлявость, резвость девушки, женщины(как коза / козочка; прыгать, скакать как коза)
2. принуждение, действие против воли кого-л. (как коза на веревочке)
3. тупой, непонимающий взгляд (смотреть как в афишу коза)
4. безжалостное телесное наказание (драть как Сидорову козу)
5. оскорбление (то же, что козел по отношению к мужчине)

Коза

В чешской культуре

1. неуклюжесть (jde chodí jako koza na ledě)
2. глупость, бестолковость (je (s kým) řeč jako s kozou na ledě «с ним говорить как с козой на льду» // mluví jako koza před smrtí «говорить как коза перед смертью» // rozumí jako koza petrželi «понимает как коза в петрушке»)
3. сладостлюбие (je mlsný(-á) jako koza «он/она сладена как коза»)
4. старость (stará koza)

специфичными являются определители, с которыми связаны эти зоонимы: рус. *как ломовая лошадь*, чеш. *jako pivovarská kobyla*. К тому же слово *кобыла* употребляется русскими скорее с негативной коннотацией в значении «здоровая, сильная девушка, женщина». Любящий женщин мужчина называется у русских *котом мартовским*, у чехов – *mlsný kosoúr* (букв. «любящий полакомиться кот»), при этом также выделяется одинаковый образ, но разные его конкретизаторы [2; 3; 6].

В чешской культуре корова ассоциируется не только с женской полнотой, как и у русских, но и с громким криком, что объективировано во фразе *řvát jako kráva* «громко кричать, издавать рев, орать во все горло». В этой связи можно вспомнить русское сравнение *ржать как лошадь* (о громком, глупо-радостном хохоте и смехе), отсутствующее в чешском [3; 6].

Если верблюд связан в сознании русских с человеком, несущим много тяжелых сумок: *нагруженный как верблюд*, а также с много выпившим человеком: *напиться как верблюд*, то в чешском языковом сознании этот образ связывается прежде всего с человеком, испытываю-

щим очень сильную жажду: *má žízeň jako velbloud* (букв. «он хочет пить как верблюд») [3; 5; 6] (рис. 3).

В разных славянских языках фразеологизмы нередко образуются по одной модели, но с разными образными компонентами, несущими этноспецифическую нагрузку. Так, фраземы, выражающие значение «сильно преувеличивать», «раздуть незначительный факт, придавая ему большое значение», построены по одной модели в сравниваемых языках: «делать из мелкого насекомого большое животное», но с разным образным наполнением. В русском языке данную денотативную ситуацию вербализует фразеологизм *делать из мухи слона*, а в чешском – *udělat z komára velblouda* (хотя возможны и варианты: *vola / slona*). Значение «в темноте все одинаковы» выражается с помощью разных зоологических мотивов: в рус. *ночью все кошки серы* и чеш. *potmě je každá kráva černá* («в темноте каждая корова черная») [2; 4; 6] (рис. 4).

Имеющий много дел человек ассоциируется у русских с образом белки: *крутиться как белка в колесе*. В чешском языковом сознании в таком

Рис. 3. Культурноконнотативные различия лексемы верблюд при вторичной номинации человека в русском и чешском языках

Верблюд

рус.

- 1.нагруженный как верблюд
- 2.напиться как верблюд

чеш.

1.*má žízeň jako velbloud*
(«он хочет пить как верблюд»)

Рис. 4. Значения «сильно преувеличивать» и «в одинаковых условиях все одинаковы», реализуемые во фразеологизмах русского и чешского языков

случае возникает другое сравнение – с перепелкой: *běhat jako křepelka*. Тот, кто врёт, выкручивается, сравнивается русскими с угрем: *выкручиваться как угорь*, а у чехов – с дождевым червем: *kroutit se jako žížala* [2; 3; 6] (рис. 5).

Нелюдимого, одиноко живущего человека в русской культуре представляет образ медведя или волка: *жить как медведь в берлоге, одинокий как волк*. У чехов данная ситуация связана с образом суслика: *žít jako sysel v díře* [3; 6].

Про человека с плохим почерком русские скажут: *пишет как курица лапой*. В этой ситуации чешское языковое сознание апеллирует к образам кота (с курицей их связывают наличие коготков на лапах) или дятла: *drápat jako kocour, psát jako datel*. Крепко спящий человек в русском языковом сознании связывается с сурком: *спать как сурок*, в чешском – с удодом: *spat jako dudek* [3; 6] (рис. 6).

Русское сравнение *облизываться как кот на сметану* находит аналог с образом другого домашнего животного в чешском языке – собаки:

Рис. 5. Значения «иметь много дел» и «врать, выкручиваться» в русских и чешских фразеологизмах

Рис. 6. Значения «иметь плохой почерк» и «крепко спать» в русских и чешских фразеологизмах

chodit kolem něčeho jako mlsný pes (букв. «ходить вокруг чего-либо как сластолюбивая собака»). Плохо разбирающийся в чем-то у русских образно выражен сравнением *как свинья в апельсинах*, у чехов – *jako pes slabikáři* (букв. «как собака в букваре») или *jako koza petrželi* («как коза в петрушке») [2; 3; 5; 6] (рис. 7).

Наблюдения над тем, как быстро отряхивает с себя воду гусь, вызвали к жизни русское сравнение *как с гуся вода*, употребляемое по отношению к человеку, который не обращает внимания на критику других. В чешской культуре такой человек ассоциативно связан с образом быстро отряхивающейся от воды собаки: *otřepat se jako pes*. К любящей путешествовать женщине у русских применима логоэпистема *лягушка-путешественница*, чехи употребят в таком случае выражение *být přeletavá jako motýl* (букв. «летает как бабочка») [2; 3; 6] (рис. 8).

Образ рыбы, беззвучно открывающей рот, ассоциативно связан в русской культурной традиции с человеком, который ничего не может сказать от удивления: *открывать рот как рыба*. У чехов образ рыбы конкретизирован: это наиболее популярный в Чехии карп – *otvírat ústa jako kapr*.

Рис. 7. Значение «плохо разбираться в чем-либо» в русской и чешской фразеологии

Рис. 8. Значения «не обращать внимания на других» и «много путешествовать», выраженные русскими и чешскими фразеологизмами

При этом образ рыбы ассоциируется в чешском языковом сознании со здоровьем, свежестью, бодростью, ловкостью, что вербализовано устойчивыми сравнениями: *zdravý jako ryba* (ср. с рус. *здоровый как бык*), *čilý / čerstvý / mrštný jako ryba* (букв. «бодрый, свежий, ловкий как рыба») и нетипично для русских. Обидевшийся на что-либо человек русскими сравнивается с индюком, а также с мышью: *надutý jako indýk*, *nadutý jako myš na krmu*, чехи сравнивают такого человека с голубем: *nafouknout se jako holub* [2; 3; 6]. Животных, называемых данными зоонимами, отличает находлившийся вид, что и послужило основой сравнений (рис. 9).

Образ голубя вообще является очень актуальным в чешской лингвокультуре, о чем свидетельствует наличие значительного количества пословиц и поговорок, основанных на этом образе. Русская пословица *лучше синица в руках, чем журавль в небе* имеет построенную по той же модели, но с другими образными компонентами синонимичную паремию *lepší vrabec v hrsti nežli holub na střeše* (досл. «лучше воробей в горсти, чем голубь на крыше») [4; 5].

Рис. 9. Значение «обидеться на кого-либо»
в русских и чешских фразеологизмах

О беспокойном, ерзающем на месте человеке чехи скажут: *točít se jako holub na báni* (букв. «крутится как голубь на куполе»), у русских в данном случае оказывается актуализированным образ ужа: *вертится как уж на сковородке* [3; 6] (рис. 10).

Больше сравнений в чешском языке, чем в русском, и с образом мухи, например, *zabít dvě mouchy jednou ranou* (ср. с рус. *сразу двух зайцев убить*), *být/cítit se (slabý) jako moucha* (букв. «чувствовать себя слабым как муха»), *je tam lidí jako much* (ср. с рус. *людей как муравьев*). Специфическим в чешском языке является и сравнение замерзшего, окоченевшего человека с дроздом (а также баранкой): *být (zmrzlý) jako drozd / preclík* (русские в этом случае скажут: *замерз как цуцык*) [3; 5; 6].

Анализ фактов вторичной номинации, содержащих компоненты-зоонимы, проведенный на материале двух славянских языков, дает основание утверждать следующее. С одной стороны, они отличаются универсализмом, выражающимся в действии одинаковых моделей, в общих логических основаниях переноса наименования, с другой – нередко не-

Рис.10. Обозначения беспокойного, не сидящего на месте человека в русской и чешской фразеологии

сут на себе печать этнокультурной специфики, являются национально-культурными маркерами, отражающими особенности восприятия мира природы разными славянами. Таким образом, «зоонимический» код объективирует интернациональное, межславянское и национальное в языковых картинах мира разных славянских народов. Подобное билингвальное сравнение имеет и большое лингводидактическое значение, нацеливая на то, что, занимаясь изучением другого славянского языка, нужно смотреть на него с точки зрения иной лингвокультуры, несмотря на языковое родство и общность значений многих первичных номинаций.

Литература:

1. *Алефиренко Н.Ф.* «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009.
2. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М., 2005.

3. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. – СПб., 2003.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
5. Česko-ruský slovník (Za ved. L. Kopeckého a J. Filipce), 2-é vyd. T. 1-2. – Praha-Moskva, 1976.
6. Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. – Olomouc, 2002.